

В 1964 году издательство «Молодая гвардия» устроило в Вешняках, в здании Высшей комсомольской школы, семинар молодых писателей с целью отобрать из груды скопившихся в редакциях издательства рукописей наиболее перспективные для дальнейшей работы. Это было небольшое совещание, однако имена руководителей звучали внушительно: Николай Ушаков, Ярослав Смеляков, Сергей Наровчатов, Евгений Винокуров, Юлия Друнина.

Моей рукописи предстояло быть прочитанной одним из названных поэтов.

— К кому хочешь? — спросил меня заведующий редакцией поэзии Игорь Тимофеевич Грудев. — Может быть, к Друниной?

— К женщине не хочу! — быстро сказала я, уверенная в том, что женщина женщину понимает не всегда верно. И по сей день остаюсь на этой позиции, хотя, конечно же, к Юлии Владимировне как таковой это «не хочу» не относилось.

— Может быть, к Винокурову? — колебалась я.

Мне, впрочем, было безразлично — никто из руководителей не знал моих стихов, ни с одним я прежде не встречалась.

— А не отдать ли тебя на заседание Наровчатова? — размышлял Грудев. — Это, знаешь, как тигру в пасть голову сунуть. Он из корифеев самый беспощадный.

Я только собралась сказать, можно, мол, к Наровчатovu, посмотрим, откусит ли он мне голову, как открылась дверь и вошел человек... Нет, ветер влетел, и мигом потолок маленькой комнаты поднялся, стены раздвинулись, и мне почудилось широкое поле, вроде Куликова, и ворон, низко летящий над этим полем. Лицо человека было озарено синими лучами необычайных глаз, и я более ничего не видела и не понимала. Сквозь это поле, сквозь вороньи крыла посмотрели на меня его глаза, посмотрели спокойно, совершенно равнодушно, никак не оценивая.

— Вот, Сергей Сергеевич, три рукописи для вас. И четвертая, эта девушка к вам просится, — решил мою судьбу Грудев.

Наровчатов одним широким движением загреб под мышку четыре пухлые папки и уже у двери сказал, обращаясь ко мне:

— До встречи на семинаре. А рукопись Винонова мне положили?

— Положили, — ответила я, хотя понятия не имела ни о Винонове, ни о его рукописи. Скачала от растерянности.

Голос у него был сильный, резкий, однако с некой мягкой щербинкой в звуке «л», и я потом долгие годы не переставала удивляться красоте и доброте этого наровчатовского «л».

Домой летела на крыльях с одной мыслью: скорее, скорее взять в руки стихи Наровчатова. Как же так я до сих пор не читала их? Да ведь читала же, встречала в журналах, книгу держу на полке, листала ее, но почему-то без внимания. Почему?

Пожалуй, сегодня могу это объяснить. Молодежь начинает с отрицания. Один-два поэта, как правило, из серебряного века поэзии, попадают в поле зрения начинающего «творца», в поле его любви, а близкое, взрослое поколение кажется неинтересным. Помню, Сергей Орлов год спустя после семинара в Вешняках говорил мне:

— Ты — эгоистка. В вашем поколении много таких. Дети мира. Почему ты не знаешь наизусть стихи фронтовиков? Почему я знаю твои? Или они хуже тебя пишут?

Был бы жив ныне мой светлый друг Орлов, узнал бы, что у него есть невольные мстители в молодом сегодняшнем поколении. У меня в Литературном

институте сидят на занятиях семнадцать одаренных душ, пишущих стихи. Они превосходно относятся ко мне как к человеку и преподавателю, но по глазам их читаю, что отношение ко мне как к поэту такое же, как у меня было поначалу к поэтам военного поколения, — безразличное.

Итак, стихи Наровчатова в моих руках, я читаю их и понимаю свою скудость, мелкую озбоченность собой, свою мизерность. Это я-то ищу родство в веках отдаленных, а он и не ищет его, оно у него в крови.

Я проходил,
скрипя зубами, мимо
Сожженных сел,
назженных городов,
По горестной, по русской,
по родимой,
Завещанной от дедов
и отцов...

В своей печали
древним песням равный,
Я села, словно летопись,
листал
И в каждой бабе
видел Ярославну,
Во всех ручьях
Непрядеу узнавал.

Крови своей,
своим святыням верный,
Слова старинные
я повторил, скорбя:
— Россия, мати!
Свете мой безмерный,
Которой мстью мстить
мне за тебя?

Ореол Куликова поля померещился мне недаром, едва я увидела Наровчатова. Это мужское, не воинственное — воинское на-

С. С. НАРОВЧАТОВ. 1981 г.

Фото В. КРОХИНА

Лариса ВАСИЛЬЕВА

СЧАСТЬЕ

чало в нем, во всем его облике, во всей его поэтике не есть ли главная черта Наровчатова-поэта? Нет, я не разбирала, не раскладывала по полочкам его стихи, читая их, в сущности, впервые, я просто проникалась ими, совсем забыв, что моя судьба в его руках. Впрочем, я вообще в этот вечер забыла о том, что пишу стихи. Передо мной вырос он, тот особенный, которого ждала Ярославна, за которым бежала в стихах, перил не касаясь, Ахматова, тот единственный лирический герой, которого ждешь в жизни и не дождешься никогда.

Закрыв последнюю страницу наровчатовской книжки стихотворений, я снова открыла ее и стала читать строки его любви.

Характер — сильный и слабый, мягкий и жесткий, неоглядный и опасливый одновременно. А, собственно, что удивительного — такова природа человека: вмещать в душе несовместимое. Поэт может это выразить — Наровчатов выражает со всею мощью данного ему природой темперамента. Его любовь опалена войной, но еще до войны, в ее предчувствии, из-под его пера появляются строки, в которых — весь он:

Сорвется заржавелый кряк,
И дверь,
распахнутая настежь,
Закличет из крутящих вьюг

Мое беспамятное счастье...

Я вздохом отдышу одним
Заиндевелые ресницы
И расскажу глазам твоим
О том, что им должно
присниться.

Его любовь — рыцарская, беспощадная к себе, всецело отданная предмету любви. Как это не похоже на моих сверстников, обращенных в любви в глубь своих переживаний, а то и всерьез поверивших, что быт и поэзия идентичны. Желание не защититься, а защититься, не понять, а быть понятым, не любить, а быть любимым явно сопутствует лирикам моего поколения, и я, естественно, не могу радоваться этой инфантильности.

Мое влюбленное воображение уже готово почувствовать в Наровчатове певца бесплотной и холодной Беатриче, но он опрокидывает это представление:

Где сосны рыжи,
Где хвоя, как пламя,
Где каждый ствол
Смолой, как потом, взмок,
Он женщину
с оленьими глазами,
Взяв за плечи,
сплеча бросает в мох...
Смолистым медом
это лето пахнет...
Все яростней...
А деена только ахнет,
И словы поспыляются
с ветвей...

Но стонов бабих,
Томных и счастливых,
Где древность
Возникает в новизне,

Не заглушить
Ни взрывам, ни разрывам,
Самой войне.
(1942 год)

«Древность в новизне» — вот оно, счастливо найденное сочетание, точно названное ощущение слиянности прошлого и настоящего, вечной как мир и вечно новой истины жизни. Я так же думала, предчувствовала, а он сказал в тот самый год, когда я, шестилетний ребенок, уже записывала свои первые стихи.

Никогда, ни в молодости, ни теперь, я не смотрела на любовную лирику конкретно, не пыталась сопоставить образ литературный с образом живого человека. Долгие годы ничего не хотела знать о Любви Дмитриевне Менделеевой, вдохновившей Александра Блока на стихи о Прекрасной Даме, уверенная в том, что поэт бывает конкретен лишь в мелкой детали, ничего не говорящей читателю, — его героиня много богаче живой женщины. Великое спасибо живой за вдохновение — но и только. В стихах о Прекрасной Даме так богат мир любви, что в нем умещаются и прошлые героини мировой поэзии, и будущее, вместе с настоящей. И еще та недостижимая любовь, которая есть лишь в нашем воображении. По всему поэтому мне не пришла в голову мысль, казалось бы, естественная: кто она, героиня стихов Наровчатова, хотя позднее я узнала о ней, достойной его, однако не позволила себе излишне ею заинтересоваться.

Утро белело в окне, когда я закрыла его книгу и попыталась уснуть. Я не думала о предстоящем семинаре и тигре, в пасти которого уже как бы находилась моя голова, странно уверенная в том, что мне беспокоиться не о чем. Самоуверенность? Нет, просто предчувствие близкой души. До семинара оставалась неделя.

— одну за другой, не переставая. Занятие шло по стереотипу Литинститута: обсуждаемый читает стихи, участники семинара, остальные трое, высказываются, заключает обзор Сергей Сергеевич. На столе перед ним толстая общая тетрадь в коричневом переплете, но он ее ни разу не открыл. Зато рукописи наши, без единой его пометки, держал перед собою, останавливаясь почти на каждом стихотворении. Он разбирал стихи, точно исходя из индивидуальности того, чья рукопись была перед ним. Говорил отрывисто, беспощадно, четко формулируя мысль. Ни единого совета: вам бы надо то-то, вам бы следовало так-то, оставляя каждому сделать выводы самостоятельно, после семинара. На второй день, заключая семинар, он попытался предсказать, каков, по его мнению, будет путь каждого из нас. Теперь, спустя двадцать лет, могу видеть, что ни один из его четырех прогнозов не был ошибочным: судьбы наши сложились именно так, как показалось ему тогда. Что это было — дар предвидения? Жизненный опыт? Наверно, и то, и другое.

Много лет спустя, через полгода после смерти Сергея Сергеевича, его дочь Ольга Сергеевна показала мне большую коричневую общую тетрадь:

— Там пометки о стихах, и о ваших тоже.

Тетрадь была почти заполнена, разделена на четыре части, соответственно количеству участников семинара, и мелким, наклонным, очень своеобразным наровчатовским почерком было разобрано каждое стихотворение. Каждое стихотворение рукописи! Невероятно! Среди записей обо мне нашла я свои стихи, о которых у меня однажды спор вышел с Наровчатовым. Когда готовился к изданию в «Художественной литературе» том моего «Избранного», я спросила его:

— Как вы думаете, кто бы написал предисловие?

— Прикажете понимать это как просьбу написать его?

Большой радости для меня быть не могло. Он написал его быстро и прислал второй экземпляр на память. На первой же странице меня постигло удивление: он вспоминал семинар в Вешняках и одно мое неудачное стихотворение, в котором я описала полет и свои ощущения от

НАС было четверо: Роберт Винонов, Владимир Лазарев, Арнольд Братский и я. Два дня работы с Наровчатовым. На каждого по три часа — до обеда и после, без перерыва на перекур: Наровчатов курил тогда «Приму»

сверху. Я позвонила

Сергеевич, у меня
было такого стихо-

... Отлично помню его,
слабенькое.

— Зачем же вы столько лет
отлично помните чужое слабень-
кое стихотворение?

Он засмеялся:

— Такая память — все дер-
жит.

Я перерыла черновики — не
нашла. Опять позвонила.

— Да что вы, в самом деле,
Лариса, стыдно забывать свои
слабости. Стихотворение вы изъ-
яли из рукописи, когда готовили
книжку. Было, я вам говорю.

Я согласилась не согласив-
шись. И вот теперь в коринче-
вой тетради нахожу его записан-
ным почти полностью Наровча-
товской рукой со всей крити-
кой, какой оно заслуживало. Та-
кая память.

После Вешняков настроение
мое было приподнятым, вдохно-
венным, хотелось летать, пере-
вернуть горы, написать нечто не-
обыкновенное. А ведь меня все-
го-навсего как следует раскрити-
ковали. Но дело в том, что я
впервые в жизни получила объ-
ективное слово мастера. Он по-
нял, он в меня поверил, а все
недостатки — моя дальнейшая
забота.

Я стала приходить к Наровча-
тову, познакомилась с его за-
ботливой женой Галиной Ни-
колаевной. Однажды, встретив
меня у Дома литераторов, он
вдруг предложил:

— Поехали со мной к моей
маме, на дачу.

Лидия Яковлевна Наровчатова,
величественная и суровая, на-
помнила мне горьковских героинь
— умных, властных, своевольных
женщин. На сына она смотрела
влюбленно, да иначе и быть не
могло.

Я полюбила день его рож-
дения — третье октября. За
длинным столом собирались
друзья, и мне нравилось смотре-
ть, с какой детской доверчи-
востью слушает он здравницу в
свою честь.

Но более всего любила я ве-
чера с ним вдвоем в его доме
под горячий чай с сухариками
— Галина Николаевна пыталась
держать его на строгой диете,
хотя это ей не всегда удавалось.

Он говорил о поэзии вдохно-
венно и смело, феноменальная
память выбрасывала строфы ори-
гинальных стихов и переводов,
сравнения были самыми неожиданными, смешались эпохи, бро-
дая сюжеты переходили из
времени во время, и образы по-
этов, о которых он говорил,
приобретали живые черты. Поче-
му я не записала, вернувшись
домой, ни одного из этих раз-
говоров? Да потому, что запи-
сать их было совершенно невоз-
можно. Разве что на магнито-
фон, однако сомневаюсь, что
ему понравилось бы, явись я к
нему с этой игрушкой.

Чувство поколения сильно жи-
ло в Наровчатове, его совести-
вая душа сильно была виновата
в том, что он вернулся с войны,
а многие его друзья и сверстни-
ки остались вечно молодыми.
Едва ли не главной целью в
жизни считал он верность их
памяти, и в том, что имена Куль-
чицкого, Майорова, Отрады, Ко-
гана звучат сегодня не умирая,
— немалая заслуга Сергея На-
ровчатова. Его статьи, книга
«Мы входим в жизнь», стихи
пропизаны чувством поколения.

Мне нравилось противоречить
ему, не всегда, конечно, но в те
минуты, когда он казался мне
слишком правильным, ортодок-
сальным.

— В поэзии нет никаких по-
колений, есть лишь поэты, вы-
державшие испытание временем.
К какому поколению относились
Гомер, Шекспир, Пушкин? Рас-
кладывать поэтов по поколениям
— значит обеднять их, — ска-
зала и смотрю на него. Жду ре-
акции, раздражения жду, на спор
вызываю.

Усмехнулся, как будто даже
презирательно, нет, скорее снис-
ходительно, понимая мои на-

мерения и заранее прощая сла-
бость: желание спорить. Сказал
примерно следующее:

— Они относились к поколе-
нию Гомера, Шекспира, Пуш-
кина. Знаете книгу «Поэты пуш-
кинской поры»? Рылеев, Дель-
виг, Гнедич, Вяземский, Одоев-
ский, даже побежденный учитель
Жуковский как-то входит в пуш-
кинское поколение, Лермонтов
завершает его. Поколения есть,
были и будут. Это закон приро-
ды — и человеческой, и поэти-
ческой. Вы это прекрасно знае-
те сами, в вас говорит дух про-
тиворечия.

Уходить от него побежденной
было радостно. Не часто в наш
железный век женщина терпит
поражение — почувствовать се-
бя слабой ей порой необходимо.

Как-то помимо меня познаком-
илась и подружилась Наровчатов
с моими родителями. Их свел
вместе подмосковный санаторий,
где отдыхал Сергей Сергее-
вич и куда мой отец привез
мать, только что перенесшую
тяжелый инфаркт. Столы их
стояли рядом, и в первый же
день, выходя из столовой, На-
ровчатов обернулся к отцу, ска-
зав ему, что, кажется, где-то его
видел.

— Я вам, наверно, кого-то на-
поминаю? — улыбнулся отец,
зная, что я похожа на него, а
также зная Наровчатова по фо-
тографиям в дареных мне кни-
гах.

Весь месяц они провели
вместе. Мама рассказала мне
один эпизод, который мне не-
возможно забыть. На прогулке
в лесу Наровчатов расспраши-
вал отца о гатке — отец один
из конструкторов танка Т-34 —
и в какую-то минуту взял обе
отцовы руки в свои руки, при-
жал их к губам.

— За что? — удивился отец.

— За танк.

Тогда отец сделал то же с ру-
ками Наровчатова.

— А мне за что?

— За дочку.

Сергей Сергеевич удивился и
сказал, что он ничего для дочке
не сделал, у нее такой характе-
рец, что она всего сама добьется.
И повторил мысль, уже слы-
шанную мною от него однажды,
что творческий человек подобен
ракете: должен получить ускоре-
ние, а дальше ракета обязана
лететь сама.

Почему они казались мне по-
хожими — отец и Наровчатов,
такие разные, полярные люди?
Может быть, сходство это было
в чувстве поколения, объеди-
нявшем их?

— Не повторяйте моих оши-
бок. Пишите об отце, о матери,
о дедах и прадедах. Вся исто-
рия литературы — одна большая
семейная хроника, — часто гово-
рил он мне.

— А почему бы вам этим не
заниматься?

Он уходил от ответа.

Оба — отец и Наровчатов —
умерли от гангрены.

Какой был у него характер?
Добрый, мягкий, деликатный, при
внешней кажущейся суровости и
неприступности. Его иногда об-
виняли в равнодушии к людям,
но это поверхностное суждение:
щит кажущегося олимпийского
спокойствия скрывал очень неза-
щищенное и отзывчивое сердце.
Помню, Сергей Сергеевич ждал
к себе поэта, которому готовил-
ся сказать неприятную правду о
его стихах. Два часа мучений от-
ражались на его лице. Как ни
пыталась, я не могла его от-
влечь. Поэт явился, я ускольз-
нула на кухню, и оттуда мы с
Галиной Николаевной слушали,
как Наровчатов спокойно, реши-
тельно выносил приговор. А по-
том жена поила его каплями
Вотчала.

Недавно один молодой чело-
век, внимательно изучающий по-
моям стихам мою биографию, —
занимаясь совсем бесполезное, —
сказал мне:

— У вас много стихов, посвя-
щенных Наровчатову, а вот у
него я что-то не встречал стихо-
творений, посвященных вам.

— И не встретите. Их нет.

С чего бы ему посвящать стихи
мне?

И все-таки мне есть чем гор-

диться. Пронзительное Наровча-
товское стихотворение «О глав-
ном» родилось, по его собствен-
ному признанию, после нашего
разговора.

У меня был какой-то очеред-
ной самый счастливый день в
жизни, и конец этого дня венча-
ла встреча с Наровчатовым у не-
го дома, за наем. Я болтала о
счастье. Галина Николаевна ра-
довалась вместе со мной. На-
ровчатов сидел между нами без-
различный, как будто и не слу-
шал «бабьего щебета». Дня че-
рез два я позвонила ему.

— Вы можете приехать? —
спросил.

Не замедлила. В дороге ду-
мала, что-то случилось. Встре-
тил, как обычно, ровно, спокой-
но. Сели. Он помолчал. Разго-
вор не вязался.

— Помните, вы на днях о
своем счастье рассуждали. Слу-
шайте:

Не будет ничего тошнее, —
Живи еще хоть сотню лет, —
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Стою в намокшей
плащ-палатке,
Надвинув насу на глаза,
Ругая власть и без оглядки
Все то, что можно и нельзя.

Сегодня лопнуло терпенье,
Осточертел
проклятый дождь, —
Пока поднимут в наступленье,
До ручки, кажется, дойдешь.

Ведь как-никак мы
в сорок пятом,
Победа — вот она! Видна!
Выходит срок служить
солдатам,
А лишь окончится война,

Тогда — то, главное,
случится!..
И мне, мальчишке, невдомек,
Что ничего не приключится,
Чего б я лучше делать смог.

Что ни главное, ни важнее
Я не увижу в сотню лет,
Чем эта мокрая траншея,
Чем этот серенький рассвет.

Я ушла от него с сознанием
полученного жестокого урока,
хотя он к этому не стремился,
просто хотел прочитать новые
стихи, ушла с ощущением без-
надежности своего упрямого
желания чувствовать в нем род-
ную душу. Мы были людьми
разных поколений, и, как бы
ни понимали друг друга, как бы
хорошо друг к другу ни относи-
лись, межа прожитых порознь и
не прожитых вместе лет была не-
переступаема. Воистину прав
был он, сказавший о человеке
моего поколения в стихотворе-
нии «Зеленые дворы»:

Ему идти зелеными дворами,
Живой тропой земного бытия,
Не увидеть увиденного нами,
Увидеть то, что не увижу я.

Его настоящим была и оста-
лась война. Его будущее — в
жизни его стихотворений. Его
прошлое — история России и
ее литература. Недаром начал
он незадолго до конца писать ис-
торические рассказы. Недаром
с его именем связана многолет-
няя работа по увековечению па-
мяти Александра Блока, Мак-
симилиана Волошина, Анны Ах-
матовой.

ТРЕТЬЕГО октября
1969 года Наровчатову
исполнилось пятьдесят
лет. В Доме литерато-
ров был устроен его
большой вечер. Орга-
низатор вечера позвонил мне:

— Сергей Сергеевич хочет,
чтобы вы тоже выступили на
этом вечере. Ну, как молодая
поэтесса, что ли.

— Это он так сказал — моло-
дая поэтесса?

— Нет, он ничего не сказал.
Просто назвал ваше имя.

Я долго готовилась, написала
несколько выступлений, одно
другого хуже, и пришла на вечер
издерганная, унылая. Наровчатов
с привычной ему доверчивостью
слушал слова любви и признания
от Ярослава Смелякова, Бориса
Случко, Михаила Луконина.

Я сидела в последнем ряду ря-
дом с Виктором Федоровичем

Боковым, очень близким, доро-
гим мне человеком, учителем,
другом. Вот уже Боков высту-
пил, ярко, порывисто. Близился
мой черед.

— Не знаю, что сказать, —
потерянно шепнула я Бокову.

— Скажи, что чувствуешь,
Скажи, что любишь его.

А может быть, мне послыша-
лись его последние слова? Я уже
шла к трибуне и пробыла на ней
не более двух минут. Что гово-
рила — не помню.

Помню лишь последние от-
чаянные слова:

— Я люблю вас, Сергей На-
ровчатов...

Кажется, в зале кто-то ахнул.
Аплодисменты были сдержанные.
Сергей Сергеевич встал мне на-
встречу совершенно растерян-
ный, шепнул:

— Что вы такое говорите?

Почему земля не разверзает-
ся под ногами, когда нам это со-
вершенно необходимо? Почему
я продолжаю сидеть в своем по-
следнем ряду с пылающими ще-
ками и не убегаю за кулисы, от-
туда домой? Добрый Боков шеп-
нул мне:

— Молодец, непосредственно
и живо!

Хороша непосредственность!
Что подумают Галина Николае-
вна, Ольга, они ведь могут по-
нять меня неправильно?

После вечера они подходят ко
мне, целуют, поздравляют с вы-
ступлением, а я едва сдержива-
юсь, чтобы не разрыдаться, — са-
мой себе признаться боялась в
том, что произнесла сейчас пер-
ед наполненным залом.

А дома на меня налетели но-
вые кошмары. Что теперь будет?
Не разрушит ли наших отноше-
ний это дурацкое признание? Не
станет ли он, чего доброго, жа-
леть меня, безнадежно влюблен-
ную? А сплетни! Ведь они могут
стаей подняться и надо мной, и
над ним!

Все осталось по-прежнему.
Оказывается, знавшие меня дав-
ным-давно понимали, что я люб-
лю Наровчатова, как говорится,
«странною любовью». «Ни дать,
ни взять влюбленная девица вре-
мен очковых и покорежья
Крыма», — перефразирую Наров-
чатовские же строки. Ни разу с
тех пор Сергей Сергеевич, бла-
городная душа, не напомнил мне
о моем выступлении, никогда мы
не говорили с ним «на любовные
темы». Хотя...

Я дарила ему все свои книги,
первые, контрольные экзempla-
ры.

В них всегда было много сти-
хотворений, где так или иначе
присутствовал он. Однажды, бу-
дучи главным редактором «Ново-
го мира», он попросил у меня
для журнала подборку стихотворе-
ний. Я принесла. Он посмотрел
стихи, об одном из них отозвал-
ся неодобрительно. Я вспыхну-
ла:

— О стихах, написанных вам,
вы судить не имеете права.

Он промолчал, как будто не
услышал.

Когда же Наровчатов готовил
предисловие к моему «Избран-
ному», у него не оказалось од-
ной моей книги. Кто-то взял и
не вернул. Или завалилась куда-
то. Я принесла ему книжку и за-
диристо сказала:

— Наконец-то вы прочитаете
меня внимательно и увидите, что
я думаю о вас. Многие стихи
под тремя точками — вам. Инте-
ресно, что вы напишете о них.

Он промолчал, как будто не
услышал.

И вот я держу в руках его ста-
тью о себе. В конце статьи та-
кие слова: «Стоит даже бегло пе-
релистать любую ее книгу — и
чуть ли не каждое второе тре-
тье стихотворение будет посвя-
щено той теме, которую великий
поэт обозначал точками. Стихи
о любви очень трудно анализи-
ровать... их ткань сопротивляет-
ся перу критика. Как раз потому
мы в этом случае обойдемся без
анализа»...

Статья эта была одной из по-
следних работ Наровчатова,
строки эти — ответ на мои пе-
реживания, которыми он, никак
того не желая и не давая ника-
кого повода, наполнил два деся-
тилетия моей жизни. Для таких
переживаний есть у меня одно-
единственное старинное слово
— счастье.